

© 2002 г. В.Б. КРЫСЬКО

ОТЪНИКА И МАТЕРИЦИ

В "Повести временных лет" (ПВЛ) в статье под 983 г. рассказ о первых христианских мучениках на Руси – варяге и его сыне – завершается пассажем, который в древнейшем дошедшем до нас списке летописи – Лаврентьевском 1377 г. – читается так¹:

аще и тѣло(м) ап(с)ли не суть не (в Ипатьевском списке *здѣ*) были. но оученья ихъ. аки трубы гласать по вселен(ѣ)и в црѣвхъ. имъже оученьемъ побѣждаемъ. противнаго врага. попирающе подъ нози *ѡ*ко же попраст(а) и си *штѣ*ника. приемше (в других списках *приимѣша*, *приимша*) вѣнень(ць) (в других списках: *вѣнець*, *вѣнѣц(ь)*, *венець*) нб(с)ныи съ сѣми мѣнки и прѣвднки [1. Стб. 83. Л. 27].

Этот – в целом ясный – контекст содержит одну семантически и словообразовательно неочевидную форму – *штѣ*ника; написания, аналогичные или близкие к данному варианту, фигурируют также в Летописце Переяславля Суздальского (60-е годы XV в.), Новгородской IV летописи (последняя четверть XV в.), Софийской I летописи по списку И.Н. Царского (начало XVI в.), Тверской летописи (начало XVII в.). Другие списки ПВЛ демонстрируют формы, более прозрачные в словообразовательном отношении: Ипатьевский (около 1425 г.) – *штѣ*ченика [2. Стб. 71. Л. 33], Радзивилловский и Академический конца XV в., Хлебниковский XVI в. и Погодинский XVII в. – *отечника* (с нюансами в орфографии), тогда как списки младшего извода Новгородской первой летописи, также сохранившие легенду о варягах-мучениках, явно отражают переосмысление первоначального текста: в Комиссионном списке XV в. присутствует местоимение *оба*, в Академическом списке XV в. – написание *отѣ*тника (причем "буква *м* как будто приписана другими чернилами" [3. С. 131]); в Летописи Авраамки существительное читается как *отемника* [4. Стб. 250].

Отвлечшись на время от формы *штѣ*ника, с трудом поддающейся морфемному членению, и абстрагировавшись от переосмыслений, указывающих на ее непонимание переписчиками XV–XVI вв. (см.: [5. С. 22]), мы, вместе с тем, на основании согласного свидетельства ряда списков, начиная с Ипатьевского, можем заключить, что в протографе Ипатьевской редакции имелась форма двойственного числа *отѣ*чника, координируемая с аористом *попраста* и причастием *приимѣша*.

Крысько Вадим Борисович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-04-0313а) и фонда Александра фон Гумбольдта. Автор признателен А.А. Гиппиусу и А.А. Зализняку за ценные замечания, учитывавшиеся при редактировании статьи.

¹ В цитатах из древнерусских текстов выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках.

Существительные *отьчъникъ* (как отсылочная статья) и *от ѡникъ* зафиксированы в "Материалах для Словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского [6. Стб. 831, 834] – с вопросительным знаком вместо толкования, однако с важным предположением по поводу семантики, о котором речь пойдет ниже. В "Словаре русского языка XI–XVII вв." [7. Вып. 13. С. 239] *отечникъ* интерпретируется – с вопросительным знаком – путем отсылки к пятому значению слова *отець* – 'почетное имя духовных особ'. Однако ни варяг, ни его сын, несмотря на их мученичество за веру, духовными особами не были – по крайней мере, ПВЛ не сообщает об этом никаких сведений. Кроме того, присоединение суффикса *-ник(ъ)* к основе *отьч-* едва ли могло служить для передачи значения 'святой отец'. Тем не менее в эдиционной практике трактовка, связывающая *отьчъника* с понятием 'духовный отец', определенно возобладала: в академическом издании " Повести временных лет" [8. С. 257] и ряде последующих публикаций (см., например, [9. С. 99]) принят перевод "два праведника", а в первом томе монументальной серии "Библиотека литературы Древней Руси" [10. С. 13] использовано выражение "два отца наших". В полном словоуказателе к ПВЛ, составленном Б. Грёбер и Л. Мюллером, лемма **отьчъникъ* сопровождается неутешительным комментарием "Bedeutung unklar" ("Значение неясно") [11. S. 495].

Ни в лексикографической, ни в литературоведческой традиции, к сожалению, не нашла поддержки гипотеза, в осторожной форме выдвинутая еще И.И. Срезневским, который, оставив лемму *от ѡникъ* без толкования, все же после цитаты – впрочем, в скобках и с вопросительным знаком – предложил определение 'отец с сыном' [6. Стб. 834]. Позднее эта интерпретация была повторена А.А. Шахматовым (ср.: "*отьчъника* мне совсем непонятно; м.б., это *отьчиница* в значении отца и сына (?)" [12. С. 381]), Р. Траутманом [13. S. 58, 244], Ф.П. Филиным [5. С. 21–22] и О.Н. Трубачевым [14. С. 28]. На наш взгляд, трудно не признать, что именно это объяснение наилучшим образом согласуется с контекстом и не требует никаких семантических натяжек. Как отметил О.Н. Трубачев, рассматриваемое образование "представляло собой пример эллиптического двойственного числа, иногда встречающегося среди индоевропейских терминов родства", ср. др.-инд. *mītrā* 'Митра и Варуна', буквально 'оба Митры' (с двойственным числом первого имени и эллипсисом второго), а также эллиптические плюральные формы типа лат. *Cererēs* 'Церера и Прозерпина', др.-исл. *fedgar* 'отец и сын', лит. *tėvai* 'отец и мать', буквально 'отцы' [15. S. 416], укр. *батькі* 'отец и мать' [14. С. 28]. На славянской почве прямую параллель классическому эллиптическому дуалису составляет форма двойственного числа *прадѣда* 'прадед и прабабка', которая передает греческую форму множественного числа *πρόπατορες*:

Хѣ іса бѣ прадѣда. иакимъ же и аньна. оукрашена правдою. достойно пѣ(с)ми да похвалена боудета днь(с). [16. Л. 120; 17. С. 60] (Κυριου Ἰησοῦ τοῦ θεοῦ ὀπρόπατορες [18. С. 219])².

Восприятию гипотезы И.И. Срезневского относительно семантики слова *отьчъника*, по-видимому, препятствует кажущаяся изолированность исследуемого слова. Между тем памятники содержат материал, подтверждающий наличие в древнерусском (и русско-церковнославянском) соответствующего словообразовательного типа.

Так, одна из глав (17.34) византийской Эклоги (см.: [19. S. 159, 238]) в славянском переводе, сохранившемся в составе Мерила Праведного по списку второй половины XIV в., имеет в этой рукописи заголовок:

о спавшимъ с *мѣръницѣми* [20. Л. 192],

который воспроизводит греч. *περὶ τοῦ ἡμίαντος μητέρα καὶ θυγατέρα*. Дальнейший текст, восходящий к библейской книге Левит (20, 14), гласит:

² Автор признателен д-ру Д. Штерну (Бонн) за обнаружение этой греческой параллели.

Иже с чюжею мѣрю. и съ дщерью **ка.** плотью вѣдаѣ смѣшаѣтъ(с). да обрѣзанъ будетъ. тою же казнью и соблажншыююсѣ с нимь. (Ὁ ἀλλοτρίᾳ μητρὶ καὶ τῇ ταύτης θυγατρὶ σαρκικῶς εἰδήσει μὴ γινόμενος ῥυοκοπέισθω, τῇ αὐτῇ ποιῆ καὶ τῆς εἰδήσει συμπλημμελησάσης αὐτῷ ὑποκειμένης).

Существительное *матерница* в [21. Т. IV. С. 512] отождествлено с *мати*, хотя контекст однозначно показывает, что множественное число *мѣрьницами* соотносится не только "с мѣрю", но и "съ дщерью **ка.** В статье автора этих строк [22. С. 211] была предложена иная, весьма специфическая трактовка формы множественного числа *матерницѣ*, продиктованная исключительно констатирующими факторами: "Общее обозначение женщины и ее матери, имеющих одного сексуального партнера". Сейчас, однако, после завершения работы над VI томом "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)", мы имеем все основания сопоставить два деривата с суффиксами *-н-ик(ъ)/-н-иц(а)* – *матерницѣ* и *отъчъника* – и констатировать, что первое существительное, эквивалентное греческому *μήτηρ καὶ θυγάτηρ*, означает просто 'мать и дочь' (и, следовательно, должно, как и *отъчъника*, выступать в форме двойственного числа – *матерници*).

В [7. Вып. 9. С. 42] представлено еще одно образование сходного типа – *материца* (правда, с неверным толкованием 'мать жены или мачеха'³), проиллюстрированное контекстами, также восходящими к Библии:

Аще кто поиметь *мѣрцю*, безаконно есть (γυναικα καὶ τὴν μητέρα αὐτῆς). Лев. XX. 14, по сп. XIV в.; *Иж* аще поимет *материци* безаконие ес(тъ). (Лев. XX, 14) Библ. Генн. 1499 г.; С *материцами* блудя иже с чюжею мѣрю или съ дщерью еа плотию вѣдаѣ смѣшается да обрѣзанъ будет. [24. Л. 595 об. XVI в.]

Первый из этих примеров (заимствованный "Словарем русского языка XI–XVII вв." из "Материалов" И.И. Срезневского и, следовательно, не сверенный по рукописи) демонстрирует либо ошибочную форму единственного числа, либо инновационный генитив-аккузатив двойственного числа (см.: [25. С. 98]); как греческая параллель, содержащая наименования женщины и ее матери, так и следующая цитата из Геннадиевской Библии (с передачей цоканья: *материци*) свидетельствуют в пользу того, что в исходном тексте имелась форма двойственного числа *материци*. Что же касается чтений *мѣрьницами* в [20] и *материцами* в Балашовской кормчей, то они, вероятно, либо заменяют первоначальные дуальные формы *матерницама* и *материцама*, либо отражают редакцию текста, возникшую уже после утраты категории двойственного числа.

Переходя к словообразовательной характеристике рассматриваемых дериватов, следует заметить, что мотивирующая основа в каждом из трех случаев неочевидна: речь может идти как о суффиксальном образовании от субстантивных основ *отъчъ-*, *матер-*, так и об образовании существительных от притяжательных прилагательных *отъчънь*, *матернь* (с суффиксом **-ънј-*), *матерь* (с суффиксом **-ј-*, см.: [26. S. 195]). Ситуация осложняется тем, что древнейший из известных вариантов имени, обозначающего 'отца и сына', – *отъника* в древнейшем списке ПВЛ – ни прямо, ни косвенно не выводится из *отъчъ*. В то же время он несомненно связан со славянскими образованиями на *-ѣн-* (*-ен-*) от названий родственников, обозначающими как самих этих родственников, так и их детей (ср. др.-рус. *братъникъ* 'брат' [21. Т. I. С. 306, s. v. **братеникъ, братенъкъ**], *сестрѣница* 'сестра' [7. Вып. 24. С. 98], ст.-укр. *братеникъ, братиникъ* < *братъникъ, братъниць* 'брат' [27. Т. I. С. 119, 123], *сестреница, сестриница* 'дочь сестры' [27. Т. II. С. 341], ср.-болг. *братенець* 'брат' [28. Л. 59, 75 об., 121]; сербохорв. *bratjenac* 'брат' [29], ст.-пол. *bracieniec* 'брат', *siestrzenica* 'племянница; двоюродная сестра' [30. Т. I. S. 145–146; Т. VIII. S. 209–210], ст.-чеш.

³ В [2. Стб. 117] – 'μήτηρ', в [23. С. 299] – 'мать жены, теща'.

bratĕnec ‘брат’ [31. S. 96]). Сравнение с этими существительными позволяет реконструировать лексему **otĕnik-*, восходящую, в свою очередь, к **otĕn-* – столь же древнему производному от основы **ot-*, как и **otъсь* и **otъn’b* (см.: [14. С. 23]).

Рассмотрим вопрос о том, какую числовую форму изначально должно было иметь слово **otĕnik-*. Сопоставление эллиптического двойственного *прадѣда*, с одной стороны, и четырех указанных дериватов от основ *от-* и *матер-* – с другой, заставляет усомниться в том, можно ли считать двойственные *отъчъника*, *матеръници* и др. результатом сокращения (эллипсиса) исконно двусловных конструкций. В самом деле, если слав. *прадѣда* и индоевропейские формы типа *mĭtrá*, *áhanī* ‘день и ночь’, буквально ‘дни (dualis)’, *Cererēs*, *tĕvai* и т.п. легко выводятся из сочетаний типа ‘прадед и прабабка’, ‘Матра и Варуна’, причем “дуализированный” (resp. “плюрализированный”) компонент может свободно выступать и в единственном числе, формы singularis типа **отѣникъ*, **матеръница* нигде не засвидетельствованы. Равным образом и уже упоминавшееся др.-исл. *feðgar* < *feðr-gar* [32. S. 677], а также *feðgin* ‘отец и мать’, соврем. ‘отец и дочь’, *mæðgin* ‘мать и сын’, *systkin* ‘сестра и брат’ [33. P. 149] представляют собой дериваты от существительных ‘отец’, ‘мать’, ‘сестра’, но отнюдь не являются формами множественного числа этих существительных и, следовательно, не могут считаться возникшими лишь в результате эллипсиса второго члена исходных двусловных сочетаний. По-видимому, в таких случаях, как *отѣника*, мы имеем дело с уже изначально несингулярными образованиями, призванными обозначать пары (или группы) тесно связанных объектов, среди которых выделялся ведущий компонент, выраженный мотивирующей основой (**otĕn-*). Семантика этой основы, разумеется, не вполне совпадала со значением производящего существительного (‘отец’, ‘мать’ и т.д. – обозначим его как X), но заключала в себе относително-инклюзивное значение типа ‘относящийся к сфере X’. Иными словами, суффикс -*ĕn-* в **otĕn-* обнаруживает тождественность с -*ĕn-* в **kostĕn-* ‘костяной’, **berstĕn-* ‘берестяной’ и т.п. (ср. [34, S. 129]) и функциональное сходство с **-ъk-* в **otъk-*, для которого может быть реконструировано первоначальное значение ‘отеческий’ (ср. [14. С. 25–26]). На фоне отпосессивного *отѣн-ика* образования *отъчън-ика*, *матерън-ици*, *матер-ици* предстают как дальнейшее развитие древней модели, с заменой непродуктивного посессивного суффикса обычными для притяжательных прилагательных суффиксами *-*ъnj-* и *-*j-4*; что же касается суффикса *-*ik-* во всех этих образованиях, то он, выступая здесь в одной из основных своих функций – субстантивации прилагательных (см.: [34. S. 90, 98], ср. также *родственн-ик*, *свойственн-ик*), образует отадективные существительные со значением ‘X + некто, относящийся к его сфере’.

Реконструкция посессивно-инклюзивного -*ĕn-*у имен прилагательных, образованных от субстантивов, устраняет необходимость в постулировании нигде, насколько нам известно, исторически не документированных существительных типа **bratĕnъ*, **sestrĕnъ* [34. S. 128–129]⁵. Кроме того, она дает возможность объяснить сосуществование в семантической сфере соответствующих лексем в современных славянских языках двух основных значений – применительно, например, к *bratĕnikъ* это ‘брат’ и ‘сын брата’ [34. S. 128]. В связи с тем, что древнейшие фиксации существительных *bratĕnikъ* и *sestrĕница* – *братеника* [36. Л. 56 об., 1. Л. 170], *братен(и)ка* [1. Л. 170 об.], *sestrĕници* [24. Л. 15а] (см. также аналогичные примеры в [30. Т. I. S. 145; 31]) – демонстрируют форму двойственного числа, для них, думается, следует предположить исходное дуальное значение типа ‘X и его (неназванный) родственник

⁴ В [14. Т. VI], к сожалению, более архаичное образование *отѣника* и более новое – *отъчъника* – ошибочно помещены нами в одну статью *отъчъника*.

⁵ Рус. диал. *братень* (с мягким [н’]!), *братена* [35. С. 156] являются, вероятно, редериватами от *братеник*.

У', т.е., соответственно, 'брат и другой брат (либо сын брата)' и 'сестра и другая сестра (либо дочь сестры)' – впрочем, при определенных конситуативных условиях допускавшее и плюрализацию типа 'брат и другие братья', ср. в относительно поздних фиксациях множественное число от *братеникъ*, *сестрениць* и *сестреница* в староукраинском [27. Т. I. С. 119; Т. II. С. 341], от *братенець* в среднеболгарском [37. Л. 59, 75 об.], от *bratĕnec* в старочешском [31], от *bracieniec* и *sestrzenica* в старопольском [30. Т. I. S. 145–146; Т. VIII. S. 209–210]. Позднейшее разделение "парных" значений на два самостоятельных значения было, очевидно, одним из следствий отмирания двойственного числа.

В свете сказанного общая семантика отпосессивных *отъчника*, *отъчница*, *матеръници*, *материци* может быть определена как собирательное обозначение одного из родителей и его прямого потомка того же пола. Образование этих существительных является результатом трансформации индоевропейского эллиптического двойственного, которая заключалась в том, что на основе дуальных форм с парным значением, первоначально возможных только при эллипсисе конструкций с двумя именами, стали возникать неэллиптированные dualia.

Проанализированная словообразовательно-грамматическая модель, ограниченная четырьмя денотатами (отец, сын, мать, дочь) и двумя родственными наименованиями (**ot-*, **mater-*), по всей видимости, отражает весьма древнее языковое состояние и, вместе с тем, такой уровень развития общества, при котором материнский счет родства, или матрилинейность (в данном случае собирательное обозначение матери и дочери), сосуществует с патрилинейностью (отец и сын) (см.: [37. С. 61]). Архаичность и уникальность лексем *отъчника*, *отъчница*, *матеръници*, *материци* и обусловили, судя по всему, их отмирание: каждая из них, несмотря на использование в разных списках и редакциях, остается для древнерусской письменности $\delta\pi\alpha\chi$ $\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu$, ассоциированным со строго определенным текстом (resp. легендой о варягах-мучениках и изложением одного из канонов древнееврейского и византийского права).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей. Т. I).
2. Ипатьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей. Т. II).
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
4. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889. (Полн. собр. рус. летописей. Т. XVI).
5. *Филин Ф.П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949. (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Т. 80).
6. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. II. М., 1958.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25–. М., 1975–2000–.
8. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I.
9. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978.
10. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века.
11. *Gröber V. Müller L.* Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1979. Bd 1. Lief 2.
12. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания.
13. Die altrussische Nestorchronik Povest' vremennych let // Übers. hrsg. von R. Trautmann. Leipzig, 1931.
14. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
15. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
16. Миняя служебная, июль, рукопись. РГАДА, Тип. 122.
17. *Жолобов О.Ф.* Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.

18. Μηναια τοῦ ὄλου ἐναυτοῦ. Τ. 6. Ἐν' Ῥώμῃ, 1901.
19. Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a. M., 1983.
20. Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.
21. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1991, 2000. Т. I–IV, VI.
22. Крысько В.Б. Поправки к I–IV томам "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" // Russian linguistics. 1998. Vol. 22, № 2.
23. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993.
24. Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907. Т. I. Вып. 1–3.
25. Крысько В.В. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
26. Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1973. Т. II.
27. Словник староукраїнської мови. Київ, 1977–1978. Т. I–II.
28. Среднеболгарский перевод "Хроники Константина Манассии в славянских литературах". София, 1988.
29. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1882. Т. I.
30. Słownik staropolski. Warszawa etc. – Kraków, 1953–2000. Т. I–XI.
31. Gebauer J. Slovník staročeský. Praha, 1903. D. 1.
32. Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956.
33. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
34. Słownik prasłowiański. Warszawa etc., 1974. Т. I.
35. Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3.
36. Новгородская харатейная летопись. М., 1964.
37. Исаченко А.В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavica. 1953. R. 22.